

Е.М. Лупанова

**РОЛЬ ЮБИЛЕЯ 1865 г.
В РАЗВИТИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
О М.В. ЛОМОНОСОВЕ**

М.В. Ломоносов стал символом в русской культуре XIX–XX веков. Его имя хорошо знакомо каждому. В течение вот уже двух столетий ему посвящаются не только научные работы и страницы учебников, но и стихи, пьесы, рассказы, повести. Его именем называют вновь открытые географические объекты, населенные пункты и улицы в разных городах страны, школы и университеты, библиотеки и другие учреждения. В 2008 г. имя ученого активно обсуждалось в ходе проекта «Имя России», целью которого было выявление тех людей, чья деятельность сыграла наиболее значимую роль в истории страны. По итогам всенародного голосования М.В. Ломоносов вошел в число 50-ти первых.

Есть все основания для того, чтобы рассматривать данную совокупность исторических и культурных реалий как место памяти. Понятие «место памяти» вошло в научный оборот в 1980–1990-х годах благодаря крупному французскому исследовательскому проекту под руководством П. Нора. Исходная идея проекта заключалась в изучении символов, определяющих национальную идентичность французов. По мнению П. Нора, явление культуры становится местом памяти только при определенных условиях, когда феномен наделяется символической аурой, обрастает некими ритуалами или когда в нем осуществляется кристаллизация воспоминания и его передача. По его определению, место памяти — это всякое значимое пространство материального и идеального порядка, которое воля людей или работа времени превратили в символический элемент наследия некоей общности. Концепция пространства памяти опирается на идею о том, что память по своей при-

роде социальна и является фундаментом для формирования идентичностей социальных групп. С этой точки зрения, место памяти, как и любое другое символическое пространство, выступает как средство идентификации, способ формирования группового сознания, чувства принадлежности к единому социальному целому, в том числе и национальной общности. Становясь символом, оно указывает на коллективную идентичность и является ее знаком¹.

Символы не появляются изначально по воле народа и всей нации. Как правило, требуются усилия небольшой инициативной группы, направленные на создание места памяти и связанных с ним ритуалов, и благодатная почва для того, чтобы результатом создания мемориалов стало формирование нового места памяти. В России, как и во многих других странах, формированию мест памяти способствовали юбилейные торжества, традиции регулярного проведения которых складываются во второй половине XIX в.

Большую роль при выборе героя очередных торжественных мероприятий по сравнению с научной актуальностью играл конъюнктурно-политический аспект. Например, начало XX в. в нашей стране было отмечено бумом военных юбилеев. Прошли торжества по поводу 100-летнего юбилея со дня смерти А.В. Суворова (1900) и 175-летия со дня его рождения (1904), 200-летия сражения при деревне Лесной (1908), Полтавской битвы (1909) и взятия Выборга (1910), 50-летия окончания Кавказской войны (1909), 100-летия Отечественной войны 1812 года. Эти празднования стали событиями в предыстории Первой мировой войны. Масштабные мероприятия, во-первых, способствовали росту патриотических настроений и национальной гордости в русском обществе, что имело огромное значение в плане моральной подготовки массовой армии к предстоящей мировой войне, во-вторых, оказались удобным поводом продемонстрировать мощь русской армии в парадном блеске перед международной общественностью.

В 1865 г. в России широко отмечалось столетие со дня смерти М.В. Ломоносова. Торжества прошли в Академии наук, Московском университете, юбилейные мероприятия были организованы в 25 городах России — от Архангельска до Иркутска². Вышло более сотни пуб-

¹ Франция-память. СПб., 1999.

² Селин АВ. Речь, читанная на торжественном акте университета св. Владимира // Университетские известия. 1866. № 2. С. 1–36; Сергиевский Н. Речь на поминавание Ломоносова // Православное обозрение. 1865. № 4. С. 339–342; Сцепура А.Ф. Статья, читанная в зале Воронежского дворянского собрания в день юбилея Ломоносова // Воронежские губернские ведомости. 1865. № 16–18; Речь по случаю поминавания М.В. Ломоносова в столетнюю годовщину его

ликаций, посвященных круглой дате¹. Это было настоящим взрывом интереса к личности ученого.

Нельзя сказать, что до 1865 г. имя М.В. Ломоносова было предано забвению и теперь биография ученого-энциклопедиста создавалась с чистого листа. М.В. Ломоносов в простонародной среде становится легендой при жизни. Уже во второй половине XVIII в. можно говорить о том, что его личность стала местом памяти, и эта память живет и развивается в течение последующих десятилетий: «Не на школьной скамье я услышал первый раз имя Ломоносова, не в книгах его прочитал; я услышал его впервые в устах бродячих слепцов, которые в детстве моем еще странствовали по южной России и пели его духовные гимны перед толпою благоговейных слушателей»².

Практически сразу после смерти М. В. Ломоносова началось научное изучение его биографии и наследия. В 1768–1772 гг. И.И. Лепёхин и Н.Я. Озерецковский предприняли экспедицию на родину Ломоносова, составили биографию ученого, они узнали о его роде и детских годах. Затем секунд-майор П.И. Челищев в 1791 г. побывал на Курострове и записал воспоминания помора Варфоломеева и соседей о юности М.В. Ломоносова на его малой родине и поставил первый деревянный памятник ученому. Свои строки Ломоносову посвящают А.С. Пушкин, А.Ф. Мерзляков, Н.М. Карамзин, М.П. Погодин, А.Н. Майков и другие.

В.Г. Белинский говорит о юбилее «со дня рождения русской литературы — с того времени, как раздалась первая торжественная песнь Ломоносова “Ода на взятие Хотина”, написанная в 1739 г., с того времени, как в первый раз услышана правильная, чистая русская речь в литературном произведении и положено начало дальнейшему развитию русского языка, русской науки, русского искусства»³. К.Н. Батюшков заключает свою статью об ученом словами: «Труды его не потеряны, имя его бессмертно»⁴.

смерти. Вильно, 1865; Речь о Ломоносове // Минские губернские ведомости. 1865. № 19; М.В. Ломоносов // Воронежский листок. 1865. № 22, 23, 29, 30, 36, 37; М.В. Ломоносов // Полтавские губернские ведомости. 1865. № 18 и др.

¹ Межов В.И. Юбилей Ломоносова, Карамзина, Крылова: Библиографический указатель книг и статей, вышедших по поводу этих юбилеев. СПб., 1871. С. 35–56.

² Никитенко А.В. Значение Ломоносова в отношении к изящной русской словесности. СПб., 1865. С. 30.

³ Белинский В.Г. Месяцеслов на (високосный) 1840 год // http://www.azlib.ru/b/belinskij_w_g/text_2670.shtml 11.01.2011.

⁴ Батюшков К.Н. О характере Ломоносова // Вестник Европы. 1816. Ч. 86. № 7. С. 63.

Однако все вместе взятые упоминания великого имени едва ли сравнятся по количеству и качеству с теми материалами, которые появились весной 1865 г. Какие в этот момент происходят значимые перемены в конструировании исторической памяти о М.В. Ломоносове? Что стало толчком к повышению интереса к русскому энциклопедисту и проведению масштабных мероприятий? На эти вопросы мы постараемся найти ответы в данной статье.

Многогранная личность, разнообразие интересов и деятельности М.В. Ломоносова открывают много возможностей для решения чисто конъюнктурных задач. Назовем лишь некоторые из них, которые часто можно отметить в популярной литературе.

- Патриотические мотивы — становление русской науки в борьбе М.В. Ломоносова против немецкого засилья.
- Биография М.В. Ломоносова как убедительный пример талантливого выходца из простых людей; веский аргумент в пользу необходимости распространения всеобщего образования.
- Век Просвещения и ученых-энциклопедистов в России.
- Просветительская и организаторская деятельность; основание Московского университета.
- Борьба с предрассудками и распространенными в народе представлениями о науке как о занятии, не совместимом с христианством; либо, напротив, жизнь М.В. Ломоносова как пример страдного пути, праведного смирения и вознаграждения свыше, в эссе такого характера ученый предстает перед нами как человек глубоко религиозный.
- Значение трудов М.В. Ломоносова в развитии мировой науки; становление химии, физики, минералогии и других наук; первые опыты проведения исследований в различных областях.
- Культурный аспект деятельности М.В. Ломоносова: его литературное творчество, мозаики.

В 1865 г. академик Я.К. Грот отмечает произошедшее на его глазах смещение акцентов в исторической памяти о М.В. Ломоносове в образованном обществе: «В первые 50 лет он считался законодателем в поэзии, в красноречии, в языке; поэты и ораторы видели в нем свой образец. <...> С развитием нашей гражданской жизни и народности в литературе на первый план в оценке Ломоносова выступает его общественная деятельность, его национальное значение; он является передовым борцом русской мысли, русской науки, и общая дань памяти его есть торжественное признание драгоценнейших духовных сокровищ нации»¹.

¹ Грот Я.К. Очерк академической деятельности Ломоносова // Журнал Министерства народного просвещения. 1865. Ч. СХХVI. С. 403–404.

В юбилейные дни 1865 г. на первый план выходит антинемецкий мотив. В торжественных речах и газетных публикациях уделяют особое внимание его борьбе против немецких ученых, противостоянию на научном, административно-бюрократическом и на личном уровнях: «На ломоносовских празднествах с замечательным единодушием выразилось то чувство народности, которое неоспоримо пробудилось в нас, сколько бы ни было тут посторонней и иногда не совсем чистой примеси. Из всех сторон деятельности Ломоносова как-то с особенною любовью стали у нас выставлять на вид его ревностное противодействие академическим немцам (главным материалом к этому служит составленная Ломоносовым “Краткая история о поведении академической канцелярии”, помещенная г. Ламанским в его сборнике “Ломоносов и Академия наук” и перепечатанная в “Материалах” г. Билярского). Ломоносов как бы стал для нас поборником народной самостоятельности, он, бывший могучим проводником к нам западно-европейской цивилизации»¹.

Особое внимание к противостоянию М.В. Ломоносова и немецких ученых объясняется проблемами Академии середины 1860-х годов. Начавшаяся более ста лет назад борьба двух партий за влияние к этому времени не прекратилась. Период, связанный с деятельностью М.В. Ломоносова, в насчитывавшей уже много десятилетий истории оказался первым и ярчайшим примером успеха русской партии. А аргументы, к которым апеллировали участники дискуссии, сформировавшиеся к середине XVIII в., практически не изменились за долгий период. «Защитники нынешнего ненормального состояния академии обыкновенно противопоставляют своим противникам не разумные возражения, а обвинения, перед одною частью общества в анархических и демагогических стремлениях, а перед другою — в квасном патриотизме, в “славянофильской” вражде к науке, просвещению, к Германии»². Эти слова в дни празднования юбилея звучали бы не менее актуально и столетием раньше.

Говоря объективно, к середине XIX в. проблема русификации Академии наук была практически решена. Многие ученые-«немцы» трудились на благо отечественной науки уже не в первом поколении, давно утратили связь с исторической родиной. Кроме того совместная деятельность русских и специалистов, приехавших из Европы, к тому времени имела богатые традиции, и время доказало плодотворность твор-

¹ Миллер О.Ф. Ломоносов и реформа Петра Великого // Вестник Европы. 1866. Т. I. С. 373–374.

² Ламанский В.И. Столетняя память Михаилу Васильевичу Ломоносову. 4 апреля 1865. СПб., 1865. С. 5.

ческого сотрудничества. Борьба двух партий продолжалась скорее по инерции, хотя доля новых членов из «природных русских» в последнее десятилетие царствования Николая I превысила 70 %. 1860-е годы стали моментом, когда немецкая партия, казалось, снова набирает силу: доля принимаемых в Академию иностранцев за десятилетие составила 33 % (4 человека из 12). Проблема вновь приобрела остроту в глазах современников, считавших ущемленной свою национальную гордость. Относительное усиление немецкой партии оказалось неустойчивым, в следующем десятилетии 80 % новых мест в Академии предоставляется русским, а к концу века иностранные ученые перестали приглашаться в страну¹.

Именно в этот момент недолгого усиления иностранцев в ходе борьбы против немецкого засилья русская общественность очень нервно реагировала на несоответствие между своим национальным достоинством и «вненациональным» составом Академии наук. «Мы стоим на пороге той вожделенной эпохи, что получим возможность назвать нашу Академию в полном смысле русскою», — читаем в одной из публикаций, посвященных 100-летию юбилею со дня смерти М.В. Ломоносова². К.А. Тимирязев отличался пессимистическим видением той же ситуации. Он писал об Академии наук середины XIX в. как о «немецкой», о том, что она блистала «в 60-е годы именами Бэра, Ленца, Струве, Гесса и других»³. Большую известность получила гневная статья А.М. Бутлерова, которую он написал в ответ на заявление одного из академиком-иностранцев о том, что Академия наук принадлежит не России, а царю. За каждую академическую вакансию разворачивалась настоящая битва, Академия раскалывалась на две почти равновеликие части, и каждая из них стеной стояла за своего кандидата. А.М. Бутлеров приводит тому целую серию конкретных примеров: присуждение премии К.М. Бэра дерптскому ботанику Э. Руссову, а не И.И. Мечникову; «провал» на выборах 1879 г. санскритолога А. Шредера и возмущение в этой связи Непременного секретаря К.С. Веселовского; избрание в адъюнкты молодого шведского астронома О.А. Баклунда (1883), «не говорящего по-русски», тогда как имена М.А. Ковальского и Ф.А. Бредихина «даже не назывались»; избрание в 1868 г. ординарным академиком Г.И. Вильде (он был назначен директором Главной физической обсерватории), даже

¹ Романовский С.И. «Обрусение» российской науки как национальная проблема // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 3. С. 45–52.

² М.В. Ломоносов (по поводу столетнего его юбилея). СПб., 1865. С. 2.

³ Тимирязев К.А. Развитие естествознания в России в эпоху 60-х годов // Соч. Т. VIII. М., 1939.

в 1880-х годах не говорившего по-русски, что Бутлеров расценил как «презрение [Вильде] к званию, которое он носит, и к нации, которой он служит»¹.

В такой обстановке широкое празднование 100-летия со дня смерти М.В. Ломоносова приобретает особую актуальность и совершенно особый характер². Одним из ярчайших антинемецких памфлетов, посвященных памяти М.В. Ломоносова, является цитирувавшаяся выше работа В.И. Ламанского. В заголовке заявлена историческая тематика, между тем в тексте основное внимание уделено проблемам современной автору Академии³. Не оставались в долгу и оппоненты. Богатейшее собрание документов, опубликованное в 1865 г. П.С. Биллярским, казалось современникам ответом немецкой партии, тенденциозной подборкой, показывающей М.В. Ломоносова в худшем свете, таким, каким его стремились представить недоброжелатели.

Справедливости ради стоит отметить, что не все откликнувшиеся на призыв почтить память великого ученого в своих трудах о нем акцентировали внимание именно на борьбе М.В. Ломоносова против иностранцев. Были опубликованы сборники документов и научные исследования, отражавшие различные стороны деятельности энциклопедиста. Можно привести примеры работ, в которых «немецкому вопросу» не уделялось никакого внимания⁴. Звучали даже упреки современников в однобоком подходе к изучению наследия М.В. Ломоносова и чрезмерном внимании к конфликтам в академической среде⁵. Но количество публикаций (в том числе множество газетных), организация торжественных мероприятий по всей стране создавали вокруг личности особый ореол. Даже если антинемецкий мотив не столь явен в тексте, постоянно подчеркиваются патриотические мотивы, любовь к России: «Особенное величие Ломоносова составляет не многосторонняя его ученость, не поэтическая его деятельность, а гражданская доблесть. Безграничная любовь к родной земле, самоотверженная, страдальческая, многоплодная деятельность для блага и славы родной земли — вот что делает его великим гражданином

¹ Бутлеров А.М. Русская или только императорская Академия наук в Петербурге? // Русь. 1882. № 7–8.

² Например: Филонов А.Г. Ломоносов. СПб., 1865.

³ Ламанский В.И. Столетняя память...

⁴ Никитенко А.В. Значение Ломоносова...; Памяти Ломоносова. 6 апреля 1865 года. Харьков, 1865; Русские люди. Жизнеописания соотечественников, прославившихся своими деяниями на поприще науки, добра и общественной пользы. СПб., 1866. С. 239–259.

⁵ Миллер О.Ф. Ломоносов и реформа...

земли русской, имя которого будет всегда вдохновлять общественно-го деятеля»¹.

И в данном контексте появляется еще один важный момент в конструировании места памяти — символика народного начала. Общественный деятель в речах, посвящаемых памяти М.В. Ломоносова, становится значимой фигурой. М.В. Ломоносов выступает как гражданин, патриот, выходец из простого народа, носитель народности. Гиперболизация этих черт доходит до крайности. Порой она вызывает раздражение и призывы к более объективному изучению личности², но в целом это очень мощная идея, отражающая надежды и чаяния русского общества в период начала Великих реформ.

Понятие «народность» трактовалось по-разному. С одной стороны, это одна из составляющих уваровской формулы и консервативной идеологии, с другой — знамя народнического движения. М.В. Ломоносов стал символом и для тех, и для других. Первые устраивали торжества, начинавшиеся с поминальных молебнов, превозносили в своих речах высочайшее покровительство русскому ученому; вторые обвиняли Дворянское собрание и благородное общество в притворстве, фальши и чествовании памяти человека, с которым у них нет ничего общего.

На фоне юбилея развернулась общественная борьба между консерваторами и либералами, с одной стороны, и радикалами-революционерами — с другой. Но мотив «народности», простого происхождения был общим и очень важным для всех, каждый стремился изобразить М.В. Ломоносова с выгодной для себя стороны и использовать его биографию в качестве обоснования собственной правоты³.

Важное место в юбилейных речах занимает также критика российского образования и бедность учащейся молодежи. Авторы акцентируют внимание на том, что пытливый юноша не имел возможности получить качественное образование на родине. Они эмоционально описывают тяготы и лишения, через которые лежал путь к науке, и тут же переходят к насущным проблемам современности: «В начале нынешнего столетия положение учащихся русских молодых людей было нисколько не лучше, <...> даже теперь, в 1865 году, <...> и теперь многие терпят стужу и голод из-за ученья»⁴.

¹ Столетнее празднество в Воронеже в память Михаила Васильевича Ломоносова // Филологические записки. 1865. Вып. I. С. 16.

² Миллер О.Ф. Ломоносов и реформа... С. 373–392.

³ Берков П.Н. Ломоносовский юбилей 1865 г. (страница из истории общественной борьбы шестидесятых годов // Ломоносов: Сборник статей и материалов. М., 1946. Вып. II. С. 216–247.

⁴ Филонов А.Г. Ломоносов... С. 12, 32–33.

Свершившееся незадолго до ломоносовского юбилея освобождение крестьян ставило вопросы не только об их новом правовом статусе, но и о предоставлении доступа в учреждения образования, науки, культуры, а в перспективе и о возможности участия в обсуждении проблем политических. Все это было очень болезненно воспринято образованным обществом. Уже тогда возникали опасения, что дарование прав крестьянам станет мощным толчком развитию общественной мысли и запустит глубинные процессы обновления российского государства и общества. Именно в таком контексте обсуждалась существовавшая тогда система образования, ее недостатки, недоступность для широких слоев населения и необходимость реформирования.

Пафос статей и речей юбилея 1865 г. состоит еще и в том, что М.В. Ломоносов — уникальный пример простолюдина, который сумел не только получить образование, но и добиться выдающихся успехов в различных областях знаний. Сам собой напрашивается вопрос о том, сколько талантов можно было бы открыть среди простого народа при условии доступности образования. Не случайно в годы Великих реформ увеличивается интерес к биографиям и деятельности Т.Г. Шевченко, М.С. Щепкина и других людей, добившихся выдающихся успехов вопреки своему простому происхождению.

Количество публикаций, посвященных М.В. Ломоносову в юбилейные дни, должно было увеличить количество сторонников массового образования. Торжественные мероприятия, публикации в газетах были призваны, в частности, подготовить читателей к тому, что скоро в одном гимназическом классе или студенческой аудитории с их детьми окажутся вчерашние крестьяне. И в этом не будет ничего плохого, потому что именно так откроются доселе недоступные великолепные перспективы культурного и интеллектуального развития всего российского общества.

Столетие со дня смерти М.В. Ломоносова также совпало по времени с обсуждением нового устава Академии наук. Дискуссии приняли неслыханный доселе демократичный характер. Они вышли далеко за пределы Академии. В обсуждении принимали участие университетские профессора и общественные деятели. При этом Академия подверглась жесткой критике как оплот консервативных начал и «чистой науки», отстраняющейся от острейших проблем современной жизни. Речи и публикации, связанные с ломоносовскими торжествами, являлись, в частности, эпизодами данных дискуссий. Статьи в «Петербургских ведомостях» и выступления в стенах Академии должны были смягчить

нападки и способствовать проведению нового устава, однако вместе с другими мерами они не достигли поставленной цели — новый устав принят не был¹.

Обоснованный конъюнктурой повышенный интерес к личности ученого стимулировал развитие специальных исследований. Юбилей поставил ряд вопросов, на которые в середине XIX в. ответов не имелось, заставил обратить внимание на распространенные ошибки в литературе о М.В. Ломоносове. Достаточно сказать, что не была известна дата рождения ученого и даже по поводу года в литературе можно найти варианты: 1710 и 1711 г.² А.Г. Филонов начинает свой очерк с сетований на то, что «биографии <...> проникнуты по большей части сентиментальным тоном и исполнены многих погрешностей». Он упрекает авторов в представлении отца ученого бедным, искажении фактов о детстве, получении образования и деятельности в Академии наук и первые страницы своей работы посвящает разбору ошибок в литературе о М.В. Ломоносове.

Необходимость пристального изучения наследия великого ученого заставила историков обратиться к архивным документам. В преддверии торжеств была проделана большая работа по их публикации и введению в научный оборот. В виде первых попыток появляются небольшие публикации по вопросам, связанным с ролью трудов М.В. Ломоносова в различных науках³. Таким образом, закладываются основы ломоносоведения как особого направления развития историографии, создается тот образ ученого, который стал общепринятым в популярной и научной литературе вплоть до советского времени.

Ломоносовский юбилей органично вписывается в серию торжеств 1850–1860-х годов. Он стоит в одном ряду с празднованием в столетия Московского университета (1855), тысячелетия России (1862), столетий со дня рождения М.С. Щепкина (1855), Н.М. Карамзина (1866) и И.А. Крылова (1869). Традиция отмечать круглые даты появилась в России как подражание европейским торжествам, отголоски которых докатились и до нашей страны. Появление новой традиции совпало со вре-

¹ Берков П.Н. Ломоносовский юбилей... С. 231–233.

² Васильев Д. Жизнеописания замечательных людей. Михаил Васильевич Ломоносов. М., 1865. С. 6.

³ Никитенко А.В. Значение Ломоносова...; Мысли М.В. Ломоносова о происхождении ледяных гор и северных морях // Кронштадтский вестник. 1865. № 38; Перевощиков Д.М. Труды Ломоносова по физике и физической географии // Радуга. 1865. № 4. С. 176–201; Столетнее празднество... С. 17–33. (Речь А.А. Хованского о трудах М.В. Ломоносова в области русской филологии).

менем Великих реформ. В стране произошли радикальные перемены, аналогов которым не помнили на своем веку старики. Но аналоги нетрудно было отыскать в истории. Так как резкие перемены влекут за собой ощущение нестабильности, неустроенности, думающие люди испытывают желание найти положительные примеры и ориентиры дальнейшего движения на пути к устойчивости. Юбилейные торжества демонстрируют, что базовый элемент, на который предполагается ориентироваться, — это просвещение общества, развитие российского образования, реформирование Академии наук.

